

Топофилия и хронофобия

текст

Александр Раппапорт

Аннотация

В статье развитие архитектурных концепций пространства и времени связывается постепенным или трансцендентным изменением представлений о пространстве и времени. Парадоксально, что Ренессанс возвращался к языческой архитектуре далекого прошлого и отказывался от христианской готики недавнего прошлого. Революционный авангард пытался перекинуть мост от самой древней мифологической архаики к утопическому будущему коммунизма. Сегодня архитектура стоит накануне новых онтологических революций, так как история исчерпала свои ресурсы, а глобализация подвела наше воображение к концу трансцендентных упований на космическое переселение.

Ключевые слова

Мир, пространство, время, трансценденция, мифология, история, революция, архитектура гностицизм.

После долгой монополюющей власти пространства в архитектурном сознании постепенно появилось и время. «Топофилия» – так называлась известная книга И Фу-Туана (пространстволюбие) теперь могла бы дополниться и хронофилией, если не хлорофилией в духе новейших экологических настроений. Но любовь к пространству еще до этого соединилась с любовью к времени в бахтинском «хронотопе». Правда, хронотоп обозначал не столько любовь извне, сколько внутреннюю супружескую связь пространства со временем, тут Бахтин шел по стопам Эйнштейна и Минковского.

Тем не менее пространство и время, видимо, познакомились друг с другом с помощью посредника, а именно – человека. А вот у последнего любовь к пространству, как и любовь к времени, отличается свойственным вообще человеку непостоянством.

«А я и полюблю, да разлюблю», – сказал некогда склонный к откровенности Евгений Евтушенко.

Интереснее, однако, не столько сам факт любви или недоверия к пространству и времени, сколько переменчивость их конкретных форм.

Недавно мне довелось узнать, что Анна Броновицкая не согласна с моей мыслью о том, что любовь к Прошлому начинается с Ренессанса. Мне понять это возражение легче, чем собственную мысль, хотя я бы продолжал ее придерживаться.

Ведь на самом деле отношение ко времени в кватроченто довольно сложно. Оно возненавидело недавнее прошлое – готику, хотя никаких серьезных поводов против готики не было. Сохранялись ремесленные традиции в строительстве, неколебимым оставалось католичество – а вот готику возненавидели. То есть нелюбовь коснулась лишь недавнего прошлого. Возлюбили же прошлое давно ушедшее – Римскую Империю, которая исчезла чуть не тысячу лет назад. Эту дистанцию во времени нам настолько трудно себе представить, что нашлись даже поклонники Фоменко и Насонова, упразднившие ее.

Вспомним, как быстро истаял в нашей памяти славный авангард 20-х годов – а ведь с его кончины прошло всего лишь полвека с небольшим. А тут – тысяча лет, и вдруг такая страсть!

Это наводит на мысль о том, что любовь предполагает большую дистанцию, страсть тянет к разрывам. А разрывы к страсти. Это относится и к пространству, и к времени. Возлюбить ближнего оказалось намного труднее, чем полюбить дальнего. Сочувствие к чернокожим американцам в

Abstract

In the article architectural ideas of space and time are connected with radical changes in the world views, historical and perpetual, transcendental and radical. It is a paradoxical comeback of Christian Renaissance culture to pagan Roman and Greek antiquity from its recent achievements denied in gothic architecture. Avant-garde in 20th century did even more radical attempt to tie prehistoric past and futuristic utopia in radical architectural forms.

Today we approach a new revolutionary change of space and time concepts coming to the end of modernism and global disillusion of cosmic expansion.

Keywords

World, space, time, transcendental, mythology, history, revolution, gnosticism, architecture.

советских людях странным образом уживалось с неприязнью к соседям по коммунальной квартире, не говоря уж об узниках ГУЛАГА («У нас просто так не сажают»).

В мифологии далекие края постоянно окрашиваются в утопические тона избытка и досуга. Тогда как близкие земли полны труда и стихийных бедствий.

Казалось бы что в таком случае миф о золотом веке, как о счастливом прошлом (и его зеркальное отражение в мифе о Коммунизме), говорит о том, что любовь к прошлому существовала с древнейших времен. И. Броновицкая права, если я верно понял ее мысль с чужих слов.

Но тут в дело вмешивается историзм самого понимания истории. Было ли мифологическое время прошлым в историческом смысле, или оно было чем-то иным, хотя и прошлым, разумеется?

Мифологическое прошлое существовало в сознании древнего мира как время начальное. А начальное время отличается от исторического времени отсутствием в нем непрерывности.

Начало есть трансцендентный момент, сингулярное событие, Большой Взрыв – то есть нечто, не укладывающееся в обычное и естественное представление. В том числе и в идею времени. Христианство унаследовало мифологическое время сотворения мира, и оно было естественно временем райского блаженства, конец которому положило грехопадение. С тех пор – только после грехопадения, и началась история, так как с тех пор началась смертная судьба, люди начали умирать.

Умерли прародители наши Адам и Ева, и род их начнет новое восхождение к раю, уже после Страшного суда.

Это историческое восхождение к новому раю в свою очередь сохранило трансцендентность Начала – сам конец света, который вносит в историческую непрерывность новую точку отсчета, магическую и тайную трансформацию всего сущего.

Эта метаморфоза открывает и перспективу райского блаженства в будущем как такового, которое не может искать своего идеала в историческом времени прошлого и может видеть образец только в доисторическом и довременном бытии начального рая.

Коммунизм выдвинул идею такого преображения истории, связав ее с революцией. Собственно, Революция сама оказывается уже не историческим событием, а магическим перевоплощением истории в новую созидательную силу. История, опять-таки, только начинается с коммунистической революции и это новая история уже есть не история,

а проектное созидание и реализация Великого Плана.

В кватроченто этого плана еще не было. Маркс еще не родился. История продолжала непрерывную судьбу человека падшего. И в этом смысле любовь к римской древности для христиан была парадоксальной переоценкой языческого прошлого, парадоксальной потому, что по сравнению с ним византийская архитектура и готика явно должны были быть шагами по направлению к раю.

То, что новый идеал возник не в Писании, а, в противоположность Апокалипсису, в самой римской древности – древности казней христианских великомучеников, говорит о каком-то перевороте сознания, которое не было в то же время и теологической революцией. Католичество сохраняло свою преемственность с первохристианами, и в Риме строился собор не Зевсу, а святому Петру.

Протестантизм Нового времени в равной мере сохранял известное почтение к готике и архитектурная любовь к классике никак с протестантизмом не связана, хотя марксизм связывает ее с буржуазной идеологией и периодом первоначального накопления.

Позднее, в Викторианскую эпоху, А. Пьюджин ищет возвращения к католицизму как раз в готике, то есть снова в историческом прошлом, сдвинутым на тысячу лет вперед.

С Кватроченто практически начался период идеологии реформизма или реформ как посюстороннего действия, не выходящего к трансценденции. Но для архитектуры, в отличие от социальных реформ, трансценденцию преодолеть так и не удалось, и сегодня вопрос о трансцендентном в профессиональной интуиции стоит так же, как и 2500 лет назад. Ни наука, ни философия, много раз бравшиеся ее преодолеть, с этой задачей не справились.

Переход от римской классики к эллинской был еще одним шагом назад во времени. А за ним в это же историческое (хотя и доисторическое), а не библейское прошлое сдвинулась и архитектура конца XIX столетия – в Египет. Но Египет был уже даже не столько историческим, сколько географически дистанцированным от европейской современности.

И влияние Китая и Японии в XX веке было чисто географическим, а не историческим.

В русском авангарде мы видим отказ от всей истории и сдвиг в мифологическое время первых языческих эпох происхождения языка, глоттогонии. Здесь покидается и время, и пространство современного исторического бытия в какое-то условное время Начала как такового. Но не библейского Начала мира, а в научно-мифологическое Первоначало мира как такового, чуть ли не в геологическое начало.

Геология и археология привели к синтезу пространства и времени и вектором такого синтеза стала глубина, а не высота, не небо и не будущее, а субстанциальная глубина.

Можно предположить, что эта новая субстанциальная глубина была не геологической, а скорее психологической, и что Хлебников интуитивно переживал в самом себе время рождения смыслов в глубине темного языкового подсознания. И что Малевич эту же субстанциальную глубину подсознания обнаружил в цвето-геометрии космоса.

Возвращение Кватроченто к римской классике и Пьюджина к готике было в этом отношении возвращением к историческому прошлому, а не к первоначальному времени творения. И значило такое возвращение отказ от инициативы сверхъестественной и трансцендентной, переход к инициативе творческой и рукотворной. В этом смысле при всех расхождении Пьюджин и Рескин сходятся.

Авангард XX века в этом отношении, скорее всего, возвращается к доисторическому времени, то есть опять-таки выходит за рамки истории, и его прошлое есть ненависть уже ко всему историческому времени, хронофобия выс-

шего порядка.

Авангардистские художники выходили за рамки всякого мифологического предания и сами становились новыми мифологами. Малевичевский «Черный квадрат» был во многом иконой, плоским символом, графической эмблемой, а преодоление исторического времени символизировалось тем, что в нем он закрасил черной краской свой собственный натюрморт. Это было самоубийство как высший ранг исторической рефлексии.

Футуристы простились с историей и, «проколов синий купол неба», устремились в будущее, став бюджетянами. В таком случае их будущее типологически восстанавливало новый рай (Новый мир) на земле, а убийство времени означало Страшный суд.

Ближайшее прошлое – от символизма через кубизм – становилось для Малевича своего рода ускорителем, некоторой аналогией электронного ускорителя или ракеты и использовалось только для того, чтобы достичь сверхскорости, позволяющей преодолеть космическую гравитацию земли и выйти в черный космос.

Вопрос о том, сохранится ли в будущем само Время, оставался открытым. Марксисты считали, что подлинная История только начинается Революцией, но что такое эта подлинная История и сохранит ли она категорию времени как таковую, остается открытым.

Если принять во внимание преодоление всяческого натурализма проектным сознанием, можно считать, что в деятельной онтологии будущего не останется ни времени, ни пространства, а если вспомнить Мишеля Фуко с его археологией знания, то и человека, который жил еще пространством и временем.

Возможно, что подлинная история не знает уже ни пространства, ни времени, ни телесных атрибутов вечности, все преодолевая мышлением и проектной свободой трансформации Бытия.

Можно видеть в таком представлении экзальтированную утопию или прямую экстраполяцию первоначала, акта творения Творца, который существовал до пространства и времени. Супрематизм должен был бы тогда «схлопнуть» естественную вселенную и преобразовать мир в некое лучистое бытие Сухова-Кобылина, перспектив, которая вдохновляет и некоторых нынешних сторонников физического преобразования жизни (Г. Давиташвили).

В христианской теологии такая онтологическая трансубстанциализация могла бы быть истолкована как ересь, противная троичной онтологии, или сблизиться с гностицизмом.

«Википедия» разъясняет, что:

В мире, по мнению гностиков, рассеяны частицы потустороннего света, которые должны быть собраны и возвращены к своим истокам. Искупителями являются просвещенные силы, знающие тайный смысл бытия, прежде всего Христос, но их призыву следуют лишь «духовные» люди («пневматики»), тогда как не принявшие гностического посвящения «душевные» люди («психики») вместо подлинного «познания» достигают лишь «веры», а «плотские» люди («соматики») вообще не выходят за пределы чувственной сферы.

В основе гностицизма – учение об иллюзорности материи. Гностики пошли еще дальше античного скептицизма и их «учение о чистой кажимости материи не скептическое, но абсолютно догматическое в своем отрицании существования материи». Для гностицизма характерно представление о ступенях, или сферах, мира и их демонических властителях, препятствующих искуплению.

Так возникает совершенный «гностик», как отрешившийся от мира, владеющий собою дух, живущий в Боге и готовящийся к вечности. Остальные же люди – «гилики». Но есть выдающиеся учителя (школы Валентина), отли-